

Павел ДЕМИДОВ

Павел Демидов родился в городе Кургане в 1969 году. Детство провел в Украине под Одессой. Закончил Иркутское театральное училище, в девяностых годах жил в Санкт-Петербурге, переехал в США в 1997 году. Живет в Калифорнии. Работает психологом поведения. В России печатался в журналах «Воздух», TextOnly, «Полутона». В 2019 году вышла книга стихов «Гнездо пешехода».

КУПЛЕТЫ НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Как только лошадь заговорит —
Бегут к ней няньки.
И с ними брадатый митрополит
С медузой в склянке.
Они измеряют её свободу
Линейкой долгой.
Они приносят вино и воду
Ведром и Волгой.
По вечерам ей читают книгу
О послушаньи.
И если кивает она и молчит —
Повышают в званьи.

Лежит собака на полу,
В собачьей позе развалилась.
Я пригласил её к столу.
Она ничуть не удивилась.

Втыкает вилки острие
В котлету и хвостом виляет,
И приглашение моё
Её ничуть не удивляет.

Она молчит, и я молчу.
Она жуёт коврижку с маком.
Кефир подлил, зажег свечу.
Кефир так нравится собакам.

Я за ножом её слежу,

За поглощением чебурека.
Собака ест, а я сижу
В нелепой позе человека.

Сидоров

1.

У реки, где Сидоров и дзен,
Где от акварели все нечётко,
Не понять, какой сегодня день,
Отраженья это или лодка.

Тихо, чтобы рыбу не спугнуть,
Облако пересекает реку,
Проложив для Сидорова путь,
Недоступный всеу человеку.

2.

Декарт задумался, а Сидоров не смог
И жизнь свою прожил не по порядку.
При слове «лист» он представлял вилок,
А не тетрадку.

Он радовался шишке и сморчку,
Чему Декарт не знал бы применения.
Как можно – рыболовному крючку
Без уравниенья?!

И в день, когда природе хорошо,
А богу сладко,
Декарт задумался, а Сидоров ушел
Весь, без остатка.

3.

День на глаз, судьба на вес,
Сидоров на букву «эс»,
А за Сидоровым лес.

Где-то, вскопан и прополот,
Мается районный город,
Без причины выпить повод.

Но в пространстве меж деревьями
Ходят одиночки семьями
И животные, что с перьями.

Ходят вниз и ходят вверх,
Ходят в небе без помех,
Проще и бессмертней всех.

Ходят за спиной у Сидорова,
Существа досель невиданного.

Откуда столько пешеходов
И столько ног?
Кто их прогнал из коридоров
На снег дорог?
Истоптан каждый переулок.
Следы, следы...
В той бесконечности прогулок
Где я и ты?

Сосчитай все окна, затем умножь
Каждое на пару глаз и на острый нож,
Прибавь фикус на подоконнике и начищенные сапоги.
Записал ответ? Проглоти записанное. Беги.
Слейся с улицей, глаз не поднимай, молись
За соратников, за друзей, что перевелись,
И, если повезёт и страж ещё не закрыл врата,
Окажешься в парке, где одна скамейка не занята.
Присядь, старайся не выделяться. В твоей горсти
Найдешь список тех, кого не успел спасти.
И, поняв, что пропал и не вырваться, хоть убей,
Купи батон и накорми всех уток и голубей.

Помятая весна, лишённая покрова.
Все будет выглажено и помнётся снова.
Трамвай на двести человекомест
Проедет мимо. Столько он не съест.

И мы застрянем где-то по колено —
В делах возможно, а в грязи наверно.
Какой ты пешеход, когда ты гусь.
И я гусёнком за тобой плетусь.

В моем окне нарисованы пешеходы
Один спешит, другой загораживает проходы.
Что делает третий, не разобрать —
Его ещё не успели дорисовать.

Раньше, чем ты, раньше, чем я,
Раньше, чем со свистулькой чайник,
Раньше, чем центр и чем края,
И раньше бескрайнего — был начальник.

И был он и сложен, и был он прост
Как ты и я, но сложнее и проще,
А так как тогда ещё не было звезд —
Он сидел в темноте. Ни в лесу, ни в роще.

И думал он, глядя в пустой эфир,
Что было бы лучше создать квартиру,
В квартире стол, на столе кефир,
Микроба полезного в том кефире,

И в коробочке макарон,
Быстрой как самолёт заварки,
Чтобы улыбался пастух Мирон
И посмеивались доярки.

Так он придумал все то, что есть,
Чтобы больше не жить в печали.
Чтобы ты смог этот стих прочесть
И узнать, что было в начале.

На мокрой земле капли не имеют прав

Смесь озона и бензина
Взрывоопасна
И я выхожу чтобы почувствовать себя
На баррикадах.
Я нюхаю воздух как специалист
Подрывник.
И точно – раскат грома над головой
Заглушает крик и звонок брошенного велосипеда.

Между звёздами, где ты
Из материи другой –
В небе роются кроты,
Ищут воздух голубой.

Небо полное планет
И других вещей, и тел
Вроде есть, и вроде нет.
Где начало, где предел?

Птицы знают, но не так,
Как, конечно, знаешь ты,
Что звезда – всего лишь знак
Недоступной красоты.

Мы ели мороженое
И липким пальцам моим
Не хватало чего-то ещё
Как всегда время шло слишком быстро
Твой пломбир таял на глазах
Уходил в царство мертвых пломбиров
Мой испарился
И стал облаком
Ты заметила что облако
Напоминает гиппопотама
И тут пошёл дождь
И сразу закончился
И мы не успели промокнуть
И мы стояли сухие после дождя
На губах вкус пломбира
И держали друг друга

Липкими пальцами.

Зимой замёрзнет черствый хлеб.
(Он твёрдым был, теперь окреп.)
И воробья кормить придется,
Хлеб размочив в стакане солнца.